

Игорь БУРКУТ

ЮГОСЛАВСКИЕ РУСИНЫ И УКРАИНЦЫ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1941-1945 гг.)

Югославия во Второй мировой войне, наряду с СССР и Польшей, понесла самые большие человеческие и материальные потери. В противоборстве пало более 1,7 млн. человек, или 10,8 % всего населения страны. Большинство погибших составили жертвы кровавого межнационального конфликта. Среди них были и представители национальных меньшинств, в том числе русины и украинцы.

На балканских землях, отошедших под власть Вены в результате войн с Османской империей, с середины XVIII до начала XX в. поселилось несколько десятков тысяч выходцев из Закарпатья, Пряшевыщины, Лемковщины, Галиции и Буковины. Около двух третей из них называло себя *русинами*, а переселенцы в Боснию конца XIX – начала XX в. уже использовали самоназвание *украинцы*. В созданном после распада Австро-Венгрии Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (с 1929 г. – Королевстве Югославии) русины и украинцы оставались национальным меньшинством, представители которого компактно проживали в Бачке, Среме, Банате, Славонии и Боснии. В подавляющем большинстве это были крестьяне, весьма далекие от политической активности. Однако в результате социального расслоения в этой среде возрастало количество сельскохозяйственных рабочих и близких к ним малоимущих крестьян.

Часть из них еще в конце XIX в. начала воспринимать социальные идеи. Кроме привлекательного для бедноты социального равенства, социалисты проповедовали также равенство национальное. А многим русинам и украинцам Придунайского региона эти идеи были близки. Лозунги хорватского или сербского национализма увлечь их не могли: они понимали, что в случае победы сторонников Великой Сербии или Великой Хорватии насильственной ассимиляции, подобной уже проводимой Будапештом, им не избежать.

На территории Бачки и Срема (нынешняя Воеводина) в 90-х гг. активно действовал социалистический агитатор Микола Гвожджак, русин по происхождению. А в русинском селе Петровцы неподалеку от г. Вуковара (в современной Хорватии), местную организацию социалистической партии даже возглавил сельский староста Дорокази, за что его в 1898 г. арестовали власти. Крестьяне, вооружившись ви-

лами, мотыгами и лопатами, пытались освободить старосту, но были разогнаны полицией¹.

В период распада Австро-Венгрии и формирования Королевства СХС сторонники левых идей среди местных русинов и украинцев заметно радикализировались. В городе Вуковаре, селах Миклошевцах и Петровцах в 1919-1920 гг. возникают и укрепляются местные организации Компартии Югославии. Со временем им удалось провести несколько резонансных акций – например, успешную забастовку сельскохозяйственных рабочих в имении графа Элца в Грабове (1937 г.). Однако переоценивать влияние коммунистов на бачванско-сремских русинов не следует. Крестьяне были слишком погружены в повседневные заботы о хозяйстве, и времени на занятия политикой у них почти не оставалось. Их усилия в общественной жизни направлялись главным образом на сохранение этнической самоидентичности. Серьезные проблемы возникали в религиозно-церковной жизни, где усиливалась напряженность в отношениях с Сербской православной церковью, которую поддерживали королевские власти. Она резко отрицательно относилась к церковной унии, стремясь ограничить влияние Крижевацкой епархии, в юрисдикции которой пребывало около 40 тыс. греко-католиков.

Греко-католичество, сходные язык и культура объединяли русинов и украинцев, хотя нередко члены одной семьи пользовались разными этнонимами: образованная молодежь чаще воспринимала новое национальное имя «украинцы». Соседи разного этнического происхождения этих тонкостей, как правило, не знали. Сербы воспринимали русинов как часть русского народа и по традиции относились к ним неплохо. А к украинцам еще со времен Первой мировой войны отношение было отрицательное – как к австрофилам, потенциальным изменникам в случае немецко-югославского конфликта.

Кроме переселенцев конца XIX – начала XX в., в украинскую общину Югославии входили политэмигранты из бывшей Российской империи, осевшие на Балканах. В Загребском университете учились и выходцы из насильственно присоединенной к Польше Восточной Галиции², в большинстве своем – члены нелегальной Организации украинских националистов (ОУН). Они устанавливали контакты с бачванско-сремскими русинами, пропагандировали в их среде свои идеи.

Югославские спецслужбы, осведомленные о тесных связях ОУН с немецкими нацистами, итальянскими фашистами и хорватскими уставами, считали украинских националистов вражеской агентурой. Они не только арестовывали активистов ОУН, но и прилагали усилия к запрету общественных организаций, в которых те имели сильные по-

зиции. В частности, преследованиям со стороны властей подверглась «Просвита», на протяжении ряда лет легально действовавшая среди украинцев и русинов Югославии. А общей для этого национального меньшинства культурно-национальной организацией было созданное в 1919 г. «Руске народне просветилне друштво у Краљовини Сербох, Хорватах и Словенцох». В отличие от «Просвиты» там преобладали русофилы³. Несмотря на различия, русины и украинцы в межвоенной Югославии преимущественно выступали как единая община.

Представители этого национального меньшинства проживали в этнически неоднородной среде, их соседями были потомки переселенцев из разных стран. После 1933 г. особую политическую активность среди них развивали члены организаций немецкого национального меньшинства. Спецслужбы гитлеровской Германии через легальную общественную организацию «Культурбунд» и молодежную – «Гитлер-югенд» готовили кадры для удара в спину Югославии в случае войны против нее. В селах с немецким населением действовали эмиссары из Германии, которые официально назывались *Wanderlehrer*, т.е. «странствующие учителя». Они формировали первичные организации «Гитлер-югенда», обучая молодежь владению огнестрельным оружием и тактике действий отделения, взвода и роты. Через «Культурбунд» таким же обучением были охвачены и немцы-мужчины в возрасте до 35 лет. Военную подготовку прошли около 32 тыс. этнических немцев Югославии⁴.

«Пятая колонна» формировалась под носом югославских властей, но те не предпринимали действенных мер по нейтрализации враждебной деятельности. И когда 6 апреля 1941 г. вермахт силами своих 2-й и 12-й армий (вместе – 30 дивизий) нанес удар по Югославии, с тылу им помогали полувоенные формирования этнических немцев, созданные до войны. Из югославской армии массово дезертировали хорваты, албанцы, венгры, итальянцы, украинцы и представители ряда других национальностей, крайне недовольных шовинистической политикой официального Белграда.

Вместе с гитлеровцами действовали войска союзников Германии – Италии, Венгрии, Болгарии. Венгерская 3-я армия вторглась в Югославию 11 апреля и за четыре дня заняла Бачку, Баранью, Меджумурье и Прекомурье⁵. На этих землях проживала значительная часть бачванско-сремских русинов Югославии. Остальные (жители Срема и Славонии) оказались на территории НГХ – провозглашенного 10 апреля Независимого Государства Хорватии. В состав этого государства с согласия оккупантов были включены также Босния и Герцеговина.

Королевская Югославия капитулировала 17 апреля 1941 г., ее территорию разделили захватчики. Капитуляцию отказалась признать часть югославских военнослужащих во главе с полковником Драголюбом (Дражей) Михайловичем. Приняв историческое имя «четников», они начали партизанскую борьбу с целью восстановления королевской Югославии с династией Карагеоргиевичей на престоле. Этим же именем себя называли и другие вооруженные отряды, в том числе и те, которые сотрудничали с гитлеровцами – например, «Лесной штаб четнических отрядов» во главе с Костой Печанацем, который действовал только в Сербии. Существовали и группы с таким же названием, создававшиеся на местах как отряды самообороны. Нередко преступления этих четников, никому не подчинявшихся, приписывались частям под командованием Дражи Михайловича (с 1942 г. носившим название «Югославской армии на родине»).

Деятельность «диких четников» – отрядов, стихийно возникавших в местностях с сербским населением, оказалась направленной не столько против войск и администрации оккупантов, сколько против мирного населения католического и мусульманского вероисповедания. Таков был их ответ на чудовищные преступления хорватских нацистов – усташей. А те использовали массовое недовольство хорватов великодержавной политикой сербской верхушки межвоенной Югославии для раздувания ненависти к сербам вообще. По образу гитлеровских в НХГ создавались «фабрики смерти», среди которых – концлагерь Ясеновац, место уничтожения сотен тысяч людей разных национальностей, прежде всего – сербов.

В стране развернулась межнациональная резня, которую усташаи начали при поддержке значительной части католического клира (особенно монахов-францисканцев), зверски уничтожая православных сербов, а заодно – евреев и цыган. Почти два миллиона сербов в НГХ ими были обречены на исчезновение: треть планировалось обратить в католичество, треть изгнать из страны и треть уничтожить. На защиту сербов поднялись четники.

Однако они не только вступали в вооруженные стычки с подразделениями усташской милиции или бандами «диких усташей», то есть сельского и местечкового отребья, грабившего и убивавшего своих сербских соседей. В ответ на уничтожение сербов они начали вырезать хорватские и мусульманские села. Вместе с мирными римокатоликами хорватами от их террора страдали местные поляки, чехи, словаки, итальянцы – все, кто исповедовал католицизм. В этот скорбный список попали и боснийские русины и украинцы, греко-католики по вероисповеданию. Им четники мстили не только за конфессиональную принадлежность, но и за то, что некоторая часть местных

украинцев пошла на прямое сотрудничество с усташским режимом. А между усташами и ОУН еще с довоенных времен установились, по их собственному определению, «сердечные отношения». Лидера ОУН Андрея Мельника и главу усташей Анте Павелича связывала личная дружба. После провозглашения НГХ в Загребе легально действовало представительство ОУН во главе с Василем Войтановским.

Галичанин по рождению, он во времена Габсбургов проходил службу в австро-венгерской армии в главном городе Хорватии. В 20-е гг. вернулся и здесь женился на хорватке. В межвоенный период, действуя нелегально, координировал деятельность студентов-оуновцев с высшим руководством организации. А когда гитлеровцы напали на СССР, распространил среди сторонников украинского национализма в Хорватии письмо руководителя ОУН (м) полковника А. Мельника с призывом принять активное участие в вооруженной «борьбе против большевистской оккупации» Украины.

К тому времени ранее единая ОУН уже раскололась на две враждующие фракции – мельниковскую (м) и бандеровскую (б). Но на призыв создавать собственные вооруженные формирования в Хорватии откликнулись представители обеих фракций. Уже в июне 1941 г. из украинцев – студентов агрономического факультета Загребского университета было создано первое отделение будущего Украинского легиона. Его организаторы планировали создать украинскую дивизию, которая отправится на Восточный фронт, чтобы «освободить Украину» вместе с «союзным вермахтом». В состав дивизии хотели включить и бывших белогвардейцев – уроженцев Украины, и кубанских казаков из состава врангелевских частей, очутившихся в 20-е гг. на территории Югославии. Но гитлеровцы отказались даже рассматривать вопрос об организации украинских вооруженных сил: Украина им была нужна лишь как колония, а не «союзник», и значительную часть ее населения нацисты обрекли на физическое уничтожение или депортацию.

В. Войтановский тут же обратился к руководству усташей и получил от них добро на формирование добровольческого легиона в составе хорватской армии (так называемых «домобранов», т. е. «защитников родины»). В состав этой части записалось 505 добровольцев, из них был сформирован батальон, носивший «домобранческую» униформу с нашивками украинских национальных цветов на мундирах⁷. Затем 30 ноября 1941 г. легион принял присягу на верность Украине, однако на Восточный фронт его не отправили. Вместо этого добровольцев бросили против партизан Тито: после нападения Германии на СССР югославские коммунисты призвали народ к восстанию против оккупантов и приступили к формированию партизанских отрядов

почти по всей территории бывшей Югославии. В этих отрядах с самого начала оказались представители русинской и украинской общин Югославии – в Среме, Славонии, Боснии. И в Бачке тогда возникли первые партизанские отряды, однако их судьба сложилась трагически – о ней речь пойдет позже.

Участие в карательных акциях против партизан никакого энтузиазма среди добровольцев Украинского легиона не вызвало, хотя в боях они участие принимали и даже получали награды НГХ. Одна из рот вступила в переговоры с партизанами, о чем проводали усташы, и в 1942 г. легион был расформирован. К тому же командир легиона подполковник Владимир Панькив, по мнению украинских националистов, оказался агентом НКВД и сделал все от него зависящее, чтобы приблизить бесславный конец этого вооруженного формирования⁸.

Следует подчеркнуть, что среди добровольцев легиона заметную часть составляли бывшие львовские студенты, сбежавшие от Красной армии осенью 1939 г. А осевшие в Боснии в конце XIX – начале XX в. украинцы из Галиции и Буковины в подавляющем большинстве своем не стремились с оружием в руках поддерживать профашистский режим усташей. Они на первых порах воздерживались от какой-либо политической активности, чтобы не оказаться втянутыми в кровавое противостояние сербов и хорватов.

Еще 2 мая 1941 г. с обращением к украинцам и русинам Югославии обратился «Украинский комитет на Балканах». В нем содержался призыв не участвовать в политической жизни или государственной службе во время немецкой оккупации. А 22 июля 1941 г. этот орган опубликовал резолюцию, в которой говорилось: «Мы, украинцы-русины, одинаково любим наших братьев-славян сербов и хорватов, поэтому, как гости этой страны и славянские братья на юге, не будем участвовать в политической деятельности сегодняшней власти, пока продолжается оккупация югославских территорий, не будем участвовать во взаимных столкновениях и боях между народами, которые здесь живут...»

В связи с тем, что деятельность «Украинского комитета на Балканах» ограничилась лишь изданием листовок, а его состав остался неизвестным исследователям, современные историки считают комитет порождением титовской пропаганды. Даже в таком случае украинцам и русинам на Балканах была предложена наиболее рациональная в тех условиях модель поведения – неучастия во взаимном межнациональном кровопролитии и несотрудничество с оккупационными властями. Пример Украинского легиона показал: создание вооруженных формирований под эгидой местных фашистов противоречит коренным интересам национального меньшинства. Наоборот, оно лишь заметно

усложнило и без того непростые отношения балканских украинцев и русинов греко-католического вероисповедания с православными сербами.

По мере нарастания напряженности в межнациональных отношениях представители национальных меньшинств на Балканах вынуждены были делать выбор в пользу той или иной политической силы. Наиболее приемлемой для большинства русинов и украинцев тогда оказалась Компартия Югославии, которая предлагала компромиссный вариант решения острых национальных проблем на основе создания федеративного государства, в котором были бы гарантированы национальные права всех проживающих на его территории «народов и народностей».

В Боснии и Герцеговине больше всего украинцев жило в районе Прнявора – около 5 тыс. Они нередко селились рядом с поляками, вместе с которыми переехали сюда из Галиции. Местные мусульмане считали их одним народом. Даже современные боснийские историки пишут: «Существовали две группы польских переселенцев: одну группу составляли поляки-католики, говорившие на польском языке, а вторую – украинцы с украинским языком и униатской верой»⁹. В партизанские отряды они шли вместе, совместно сражались против оккупантов и местных коллаборационистов. В составе Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ), созданной коммунистами, в августе 1944 г. был сформирован Польский батальон 18-й среднебоснийской бригады 53-й дивизии. Особенно он отличился в боях против четников¹⁰. С ними у представителей национальных меньшинств были свои счеты. Так, 13 мая 1942 г. четники сожгли польско-украинские села Раковац и Кунова в Боснии¹¹, убили много людей. Уцелевшие от террора взялись за оружие.

В Польском батальоне вместе служили этнические поляки и украинцы. Факт необходимо особо подчеркнуть: на их исторической родине, в местах совместного проживания поляков и украинцев, в это время происходила кровавая трагедия взаимного уничтожения. Спровоцированная гитлеровскими оккупантами и проводимая ультраправыми элементами из числа польских шовинистов и украинских этнонационалистов, она унесла жизни десятков тысяч невинных поляков и украинцев. А в Боснии местные поляки и украинцы, выходцы из охваченных взаимным истреблением пограничных польско-украинских территорий, мужественно громили общего врага, приближая победу над гитлеризмом.

Украинцы и русины также воевали в Боснии в составе других партизанских отрядов и частей НОАЮ. Главными их противниками были части вермахта, СС, хорватских усташей и домобранов. На 31 декабря

1944 г. на территории Югославии находились 21 немецкая дивизия вермахта и СС, 1 полицейская дивизия и 14 полицейских полков СС, а также 15 усташско-домобранских смешанных дивизий, 1 усташская бригада и другие части¹². В частности, гитлеровцы бросили против титовских партизан 13-ю горнострелковую дивизию войск СС «Ханджар» (сформирована из боснийских мусульман), 23-ю горнострелковую дивизию войск СС «Кама» (сформирована из хорватов), 7-ю добровольческую горнострелковую дивизию СС «Принц Евгений» (сформирована из банатских фольксдойче). Под командованием гитлеровцев в Боснии воевали и соединения, сформированные из русских – 15-й казачий кавалерийский корпус СС¹³, Русский охранный корпус на Балканах¹⁴, некоторые полицейские формирования.

Часть их военнослужащих переходила на сторону титовских партизан, к партизанам бежали и советские граждане, насильно вывезенные гитлеровцами на принудительные работы. В итоге, по подсчетам историка Т.С. Бушуевой, в 188 частях, соединениях и военных учреждениях НОАЮ служило свыше 6 тыс. граждан СССР¹⁵. Нередко из них формировали «русские» батальоны, роты и взводы, в которые попадали люди разного этнического происхождения. Среди них были русские эмигранты – бывшие белогвардейцы¹⁶, а также некоторая часть украинцев и русинов – граждан Югославии.

На территории НГХ немало русинов и украинцев воевало в партизанских отрядах Славонии. Среди них был Иван Сенюк (псевдоним «Дядя»), которого посмертно удостоили звания Народного героя Югославии – единственного среди всех представителей этого национального меньшинства Югославии. Уроженец славонского села Верхние Андреевцы, он происходил из семьи галицких переселенцев. В борьбу против нацистов вступил в конце июня 1941 г. и благодаря своим личным качествам быстро выдвинулся в партизанские командиры. Майор НОАЮ Иван Сенюк стал комиссаром, потом командиром 12-й Славонской пролетарской бригады и умер от ран в августе 1944 г.¹⁷

А в 16-й Славонской бригаде имени Й. Влаховича в конце 1943 г. предпринималась попытка сформировать из славонских русинов отдельный батальон или хотя бы роту. Однако в боях с русскими казаками-коллаборационистами бригада понесла тяжелые потери, вследствие чего от идеи пришлось отказаться. Снова вспомнили о ней, когда в середине 1944 г. в НОАЮ уже служило около 2 тыс. русинов и украинцев, и объективные условия для создания отдельной русинской части в Славонии и Среме были налицо. Однако против этого выступили политработники НОАЮ русинского происхождения. Они высказали опасение, что в отместку за формирование такой

части оккупанты и коллаборационисты развернут репрессии против русинов, и это может поставить этническую общину на грань физического уничтожения¹⁸. Правда, в составе 6-го ударного корпуса НОАЮ в Славонии действовал Русско-украинский батальон под командованием капитана Милоша Вуйича-Бьелаца, в котором служили люди различных национальностей¹⁹.

Значительная часть бачванско-сремских русинов (не менее 12 тыс. чел.) проживала в Бачке, и места их расселения в 1941 г. оказались оккупированными венгерской королевской армией. Для разворачивания партизанской войны эта территория не годилась – широкая равнина без крупных лесных массивов не могла обеспечить укрытия партизанам. И все же в конце 1941 г. здесь были сформированы Шайкашский партизанский отряд (40 бойцов), отряды в Чуруге и Джурджево. В них вступали местные сербы, словаки, русины и др. Венгерские оккупационные власти прилагали значительные усилия, чтобы противопоставить представителей национальных меньшинств этническим сербам, однако на борьбу с оккупантами поднялись люди различных национальностей. В Шайкашском партизанском отряде, например, было 18 уроженцев русинского села Джурджева. Сам отряд делился на группы, располагавшиеся в различных местах. Группа из Джурджева перепрыгивалась в болотистой местности, поросшей вербами и густым камышом, которую по-русински называли «Дюрдьовски рит»²⁰. Большинство членов группы, молодых парней, ранее не служили в армии, а их вооружение составляли всего одна винтовка и четыре-пять револьверов. Слабо вооруженные и необученные партизаны оказались в непростом положении, когда против них бросили хорошо подготовленные воинские и полицейские части.

Бои венгерских войск с ними начались в середине декабря 1941 г. В начале января 1942 г. партизанские отряды были разбиты, их остатки отступили на юг, и каратели приступили к массовым акциям устрашения мирных крестьян. До 2 тыс. солдат, жандармов и полицейских начали «чистку» населения перед самым православным Рождеством. Власти считали, что в Шайкаше готовится восстание как раз на этот праздник. Тех, кого подозревали в поддержке партизан, массово расстреливали. По сообщению Венгерского телеграфного агентства, к 10 января 1941 г. «ликвидировано около 1100 участников четнических банд, и продолжается процесс ликвидации двух тысяч пленных четников»²¹. «Четниками» венгерские пропагандисты в данном случае называли коммунистических партизан-титовцев, а жертвами карателей стали в основном мирные люди.

Репрессии продолжились в других местностях южной Бачки, охватив и Новый Сад. Тела убитых сбрасывали в проруби на Дунае – тем-

пература воздуха тогда резко упала (минус 24 градуса). Погибли тысячи мирных людей – сербов, евреев, хорватов, словаков, немцев и даже венгров. Среди убитых в Шайкаше и Новом Саде было также 26 русинов.

Разгромив первые партизанские отряды и расправившись со всеми «подозрительными элементами», венгерские оккупанты праздновали победу. Они усилили ассимиляторскую политику на захваченных территориях, вели шовинистическую пропаганду, пытаясь увлечь население лозунгами «возрождения Великой Венгрии». Однако в русинской среде они популярностью не пользовались. Развернулась кампания призыва в венгерскую королевскую армию, а русинская молодежь пыталась избежать мобилизации, прячась в родных местах или убегая за Дунай, в Сербию. Но значительной части молодых русинов пришлось надеть униформу венгерских гонведов и отправиться на Восточный фронт или же в венгерские гарнизоны на оккупированной территории.

Их судьбы складывались по-разному. Венгерская королевская армия понесла большие потери. Только под Сталинградом 2-я армия венгров потеряла около 80 тыс. солдат и офицеров убитыми и 63 тыс. ранеными²². Часть венгерских военнослужащих попала в советский плен, среди них были и бачванско-сремские русины. Наряду со словацкими и некоторыми другими частями венгерские войска использовались в борьбе с советскими партизанами на оккупированной гитлеровцами территории СССР. Служившие в них бачванско-сремские русины, понимавшие украинский и русский языки, нередко исполняли роль переводчиков. Общаясь с местным населением, они вступали в контакты с подпольщиками и партизанами, помогая тем информацией и передавая оружие и боеприпасы.

Венгерские войска еще весной 1938 г. с боями заняли территорию Закарпатья, где находились до осени 1944 г. В эти части иногда попадали служить и бачванско-сремские русины, оказавшись не по своей воле на земле собственных предков. Их отношения с местными русинами характеризовались доброжелательностью и взаимным интересом.

Намного сложнее было общаться русинам, одетым в венгерскую форму, с галичанами. По соглашению с Хорти Гитлер позволил разместить венгерские части на территории современных Ивано-Франковской и Тернопольской областей, где они использовались для охраны коммуникаций и участвовали в антиповстанческих акциях. Их также использовали в боях против УПА на Волыни в 1943 г. Натолкнувшись на активный отпор, венгры быстро утратили боевой дух и были отведены из районов активной деятельности украинских по-

встанцев. А в 1944 г. командование 6-й Венгерской армии в Карпатах заключило с командованием УПА договор о перемирии и нейтралитете²³.

Эти события накладывали заметный отпечаток на положение русинов, служивших в венгерской армии. Если поначалу им приходилось терпеть унижения и издевательства со стороны сослуживцев – венгерских шовинистов по убеждениям, то по мере массового разочарования тех в целях войны их отношение к русинам менялось в лучшую сторону. Зная славянские языки, представители русинского национального меньшинства могли выступать посредниками в контактах с местным населением, которому деморализованные венгерские военнослужащие продавали за продукты и разнообразные услуги воинское имущество, оружие, боеприпасы.

Следует подчеркнуть, что подобное поведение характеризовало и часть русинов и украинцев, служивших в созданных гитлеровцами воинских и полицейских частях. Так, бойцы Посавского партизанского отряда, воевавшего на территории НГХ, поддерживали нелегальные контакты с украинцами из сформированных гитлеровцами частей. Возглавлял украинское подполье в гитлеровском гарнизоне Петро Кондрат. Он передавал партизанам информацию о планировавшихся гитлеровцами операциях, поставлял им боеприпасы и медикаменты, бинокли и ракетницы²⁴. Кстати, связь он поддерживал с бойцами Украинской роты Посавского отряда, в которую входили уроженцы Украины, бывшие советские военнопленные, волею судеб оказавшиеся в рядах югославских партизан.

На сторону партизан нередко переходили и местные русины, сильно мобилизованные в вооруженные силы Хорватии. Например, житель русинского села Петровцы Михал Дорокази в 1943 г. был призван в армию НГХ, но через пару месяцев с группой земляков покинул место службы и стал членом Дильского партизанского отряда²⁵. Вместе с сослуживцами прошел через все нелегкие испытания до окончательной победы над оккупантами.

В конце 1944 – начале 1945 г. тяжелые бои развернулись в местах проживания бачванско-сремских русинов. После освобождения Сербии, Македонии, Черногории и Санджака НОАЮ начала наступление на территории от Дравы и Дуная до Адриатического моря. Это была часть общего стратегического плана действий вооруженных сил антигитлеровской коалиции. Красная армия, совместно с НОАЮ освободившая Белград и восточные районы страны²⁶, наступала в Венгрии и Австрии. Армии западных союзников продвигались на север Италии. Немецкая группа армий «Е» под командованием генерал-полковника Люфтваффе А. Лера при поддержке коллаборационистских сил пыта-

лась удержать фронт против НОАЮ. После пяти с половиной месяцев тяжелых боев 12 апреля 1945 г. югославские войска прорвали Сремский фронт между Дунаем и железной дорогой Шид-Винковцы²⁷. В боях за освобождение родных мест принимали участие и бачванско-сремские русины как из числа давних участников партизанского движения²⁸, так и только что призванные в части НОАЮ²⁹. А участие в борьбе против гитлеровцев и коллаборационистов для многих русинов и украинцев Югославии не ограничивалось вступлением в партизанские отряды и части НОАЮ. Большинство крестьян продолжали заниматься хозяйством, и их поддержка освободительной борьбы проявлялась в оказании всесторонней помощи активным участникам Движения Сопротивления. Они предоставляли кров партизанам, вели разведку в интересах борцов с нацизмом, распространяли пропагандистскую продукцию подпольных организаций, лечили раненых партизан. Немало бачванско-сремских русинов оказывало помощь партизанам, снабжая их продовольствием, одеждой, обувью. Помогали они и пленным красноармейцам, содействуя их побегам. Такая помощь была сопряжена со смертельным риском.

Например, пятнадцатилетний русин Звонко Гарди Верешов, уроженец хутора близ Вуковара, в декабре 1944 г. сумел передать оружие пленным советским солдатам и офицерам, которых содержали на охраняемой территории спиртзавода в Вуковаре. Группа из 11 красноармейцев благодаря этому сумела вырваться из лагеря и пробиться к партизанам, а потом и соединиться с наступающими частями Красной армии³⁰.

Таким образом, в годы Второй мировой войны среди украинцев и русинов Югославии было немало активных участников Движения Сопротивления, а значительная часть представителей этого национального меньшинства оказывала действенную помощь борцам против нацизма. Подсчеты русинских историков показали, что на заключительном этапе войны в рядах НОАЮ боролись не менее 4 тысяч русинов и украинцев Югославии, что составляло 10 % всей численности этого национального меньшинства. Если же сравнить данный процент с удельным весом представителей всех «народов и народностей» Югославии в борьбе против нацистов, то он окажется заметно выше среднего: личный состав НОАЮ в конце войны достиг 800 тыс. солдат и офицеров, что составило 6 % всего населения Югославии³¹. Многие русины и украинцы Югославии, активные участники Сопротивления, получили высокие государственные награды и сделали карьеру в СФРЮ.

Однако часть представителей национального меньшинства воевала и с противоположной стороны фронта. Это добровольцы из Украинского легиона и многие молодые русины, насильно мобилизованные

в венгерскую королевскую армию и вооруженные силы НГХ. Судьбы многих из них сложились трагически. Сразу же после войны в Загребе состоялся судебный процесс над организаторами и участниками Украинского легиона. По его приговору была расстреляна группа легионеров, а также В. Войтановский с женой и сыном. А бывший командир легиона подполковник В. Панькив выступил на процессе свидетелем обвинения и наказания в судебном порядке избежал. Правда, через несколько лет он умер от отравления при невыясненных обстоятельствах.

Большинство русинов и украинцев Югославии в годы войны политической активности не проявляло, а пыталось элементарно выжить в неблагоприятных условиях. После войны многие из них сменили место жительства. В 1946 г. из Боснии массово репатриировались поляки на переданные Польше западные земли. Вместе с ними выехали и члены их семей, украинцы по происхождению. А из Воеводины в Германию были высланы многие этнические немцы, вместо них в покинутые дома вселялись представители других национальностей, в том числе русины и украинцы.

В официальных документах новой Югославии установилось имя «русин-украинец», которым обозначали представителей национального меньшинства, считавшегося единым. Однако споры о его единстве продолжались, приобретая временами острый характер³².

Вторая мировая война наложила заметный отпечаток на дальнейшую судьбу русинов и украинцев Югославии, поэтому память о грандиозном историческом событии у представителей этих этнических общин современных Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины по-прежнему сохраняется. Ее не смогли вытеснить даже трагические события конца XX ст., когда распалась единая Югославия и в ходе кровавых конфликтов погибли сотни тысяч людей. Среди погибших оказалось немало тех русинов и украинцев, которые выжили в аду Второй мировой войны, а также их детей и внуков. Когда нации-автохтоны при помощи оружия пытаются решать свои застарелые споры, неминуемо страдают национальные меньшинства, оказавшиеся меж двух огней.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Костелник В.* Русини и українці у перших рядах од початку 1941 року // Нова думка. 1981. № 27. С. 40.

2. *Промінь.* 1922. Ч. 7-8. С. 211.

3. *Медєшии Л.* Почежкосци коло видаваня єдней читанки // Народни календар. 1980. Нови Сад: Руске слово, 1979. С. 54.

4. Бильня В. Вербаски Русини у революційним и народно-ошлєбодительним руху // Нова думка. 1979. № 22. С. 27.
5. Стругар В. Югославия в огне войны 1941-1945 / Пер. с сербско-хорватского. М.: Наука, 1985. С. 20.
6. Уэст Р. Иосип Броз Тито: власть силы. Смоленск: Русич, 1997. С. 98.
7. Костелник В. Под червену заставу. Хроніка о участвованю руснацох-українцох у Народноошлєбодительней борби Югославії. Нови Сад: Руске Слово, 1971. С. 105.
8. Книш З. Перед походом на Схід. Спогади. В незнаний світ далекий: Загреб // URL: <http://knish.uaweb.org/index.php> (дата обращения: 25.03.2011 г.)
9. Kamberović H. Prema modernom društvu: Bosna i Hercegovina od 1945. do 1953. godine. Tešanj: Centar za kulturu i obrazovanje, 2000. S. 46.
10. Костелник В. Под червену заставу. С. 191.
11. URL: <http://borysfen.livejournal.com/129435.htm/> (дата обращения: 20.03.2011).
12. Marjanović J. Narodno-oslobodilački rat i socijalistička revolucija 1941-1945. Beograd: Radnička štampa, 1975. С. 176.
13. Залесский К.А. Командиры национальных формирований СС. М.: АСТ: Астрель, 2007. С. 72-78.
14. Чуев С. Власовцы – пасынки Третьего Рейха. М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 115-125; см. также: Русский корпус на Балканах // bka-roa.chat.ru/balkany.htm (дата обращения: 25.03.2011 г.); Писаревский А. «Русский Корпус» на Балканах во время «Второй Великой Войны» 1941-1945 // www.vojnik.org/serbia/ww2/4 (дата обращения: 25.03.2011 г.).
15. Советские люди в освободительной борьбе югославского народа 1941-1945 гг. (Воспоминания, документы и материалы). М.: Наука, 1973. С. 196.
16. Казак В.Н. Побратимы. Советские люди в антифашистской борьбе народов Балканских стран (1941-1945). М.: Мысль, 1975. С. 67-73
17. Доманкушич С., Милетич А. Українець Іван Сенюк Дядько – Народний герой Югославії (I-III) // Нова думка. 1984. № 43. С. 17-25; № 44. С. 22-31; № 45. С. 23-26.
18. Костелник В. Под червену заставу. С. 196-197.
19. Vijičić M. Nadmudren zloglasmi nemački «TRUP» u Trnavi // Нова думка. 1982. № 31. С. 40-41; Likvidacija ustaške posade u bunkeru kod Okučana, jula 1943.godine // Нова думка. 1981. № 30. С. 40-41; Uništena ustaška satnija kod Gojla 1943. godine // Нова думка. 1981. № 29. С. 43-44 и др.
20. Олсяр Я. Пребуване у рити // Нова думка. 1978. № 18. С. 47.
21. Цит. по: Костелник В. Под червену заставу. С. 60.
22. История Венгрии. Т. 3. М.: Наука, 1972. С. 384.
23. Історія українського війська (1917-1995). Львів: Світ, 1996. С. 541.
24. Гонта Я.І. Як ми здобували зброю и боеприпаси? Спогади командира взводу Української ударної роти Посавського партизанського загону // Нова думка. 1978. № 18. С. 41.
25. Ляхович М. Петровчань Михайло Дорокази курир у борби – гудак у шлєбоди // Нова думка. 1989. № 71. С. 22.
26. Советские вооруженные силы в борьбе за освобождение народов

Югославии. М.: Воениздат, 1960. 248 с.; *Минасян М.М.* Освобождение народов Юго-Восточной Европы. М.: Воениздат, 1967. С. 414-446; Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов. М.: Наука, 1970. С. 244-262.

27. *Domankušić S., Miletić A.* Od proboja Srijemskog fronta do oslobođenja Slavonije // Нова думка. 1985. № 47. С. 19.

28. *Domankušić S.* Četiri decenije od formiranja 1. Slavonskog korpusa – 2. korpusa Hrvatske – 6. korpusa NOVJ // Нова думка. 1989. № 72. С. 19-21.

29. *Такач Г.* Будровчань, Йовген Москаль, партизански артилерист // Нова думка. 1985. № 47. С. 24.

30. *Костелник В.* Под червену заставу. С. 208-209.

31. Там же. С. 23.

32. *Сабодош Ј.* Проблеми на линији определявања Русин-Українац код ове народности у СФРЈ // Традиційна култура югославянских Русинох (Прилоги). Материяли зоз Совитованя о традиційней култури войводинских Русинох и Українцях, отриманого у Новом Садзе и Руским Керестуре од 30. юния до 5. юлия 1970. року. Нови Сад: Руске Слово, 1970. С. 258.

